

ПРОБЛЕМА «ГОСУДАРСТВЕННОСТИ» В ТЕОРИЯХ ПОЛИТОГЕНЕЗА

© 2020 Красников Иван Сергеевич

E-mail: krasnikov.iwan@yandex.ru

В статье выявлена сложившаяся недостаточность инструментария в области исследования политико-правовых феноменов. Автор формулирует собственную модель организации разрозненных представлений о становлении «государственности» как социального феномена. В основе предлагаемой концепции заложена идея дихотомического противопоставления цивилизационного возраста глобальных политий (образы государственности с протяжённой и краткой родословной). Центральная идея подобной концептуализации основана на обобщении многообразия трактовок «государственности» по их отношению к феномену политогенеза. В статье показана субстанциональная отличность политических общностей нововременных институтов.

Ключевые слова: полития, вождества, государственность с краткой и протяжённой родословной, нововременной, политогенез.

Термин «полития» пока не укоренился среди исследовательского сообщества. Одно из следствий этого — создание терминологических оксюморонов из противоположных по смыслу слов. (Критика использования плеоназмов в юридической науке представлена в работе Репина [18, с. 17, 19, 37–40].) Например, таких, как: «древнерусское государство», «античное государство», «американское...»; Преодоление такой тенденции позволит отказаться от компромиссных прилагательных, которые добавлялись авторами с целью показать разницу между сегодняшним государством и «ранним». Всё видовое разнообразие политических общностей (социальных институтов, которые институционализировали определённый тип власти — дистрибутивную (коллективную) или индивидуальную — корректно располагать внутри понятия «полития». Вместе с тем, античный полис (polis), локальный подконтрольный доминион (regnum), равным образом современную форму организации власти (state) и др. большинство исследователей продолжают втискивать в понятие «государства».

Термин же «полития» позволит отказаться от неубедительных концепций государственности с бесконечным прошлым, восходящим ещё в до-неолитическую эпоху. Теоретическое следствие у нелинейно-поступательного подхода к эволюции политики выражается в дифференциации её форм. Это, в свою очередь, влечёт отказ от априорной приемственности признаков между разными видами политий, даже внутри одной формы (например, тождества между nation state

и constitution state, и уж тем более polizeistaat).

Однако каким образом можно сгруппировать исследовательские подходы, которые настаивают на долгом прошлом «государства», и те, которые считают, что та государственность, в котором пребывает человечество в настоящем, оформилась не раньше XV–XVI вв.? Согласно исследовательскому подходу, применяемому в данной работе, первая группа представлений является ошибочной, но научный метод предполагает умение классифицировать и ложные проекции.

Авторской концепцией является попытка развить теорию «родословной» государственности. Точнее не развить, а сформулировать, поскольку как таковой теории нет, но есть сам термин — «родословная», применительно западным формам публичной власти, который обособился в науке, благодаря работам Скиннера [27] и Андерсона [1]. (Характерно, что принадлежность к разным исследовательским традициям сказалась на названиях работ, посвященных одному периоду.) Данный концепт основан на аналитической традиции изучения социокультурных оснований появления какого-либо феномена, в том числе и политического. Например, Скиннер в своих работах обстоятельно изучает идейные основания нововременного периода в жизни Европы, чтобы показать «закономерности» оформления тех институтов, которые выделились в данный период времени [19].

Можно сказать, что в социальной науке ещё не сложился конструкт, который бы назывался концепция государственности с длинной родос-

ловной (statehood with a long pedigree). Это конструкт, обобщающий теоретические представления разных теорий о преемственности развития государственности. Приверженцы такой модели те исследователи, которые полагают, что государственность — имманентно заложенная форма организации политических институтов социума.

Тем самым, история государственности началась ещё при формировании первых вождеств (обычно скрыто под термином «раннее государство» [Еллум, 22, с. 595]; приверженцы классовой теории называют этот период обычно «догосударственным»). Государственность в такой интерпретационной модели выступает в качестве образа крупномасштабного «вождества», которому удалось подчинить другие народы и земли. Некоторые авторы даже усматривают в этом периоде зарождение «империализма» [Лаат, 11, с. 404]. Неудивительно, что завершённость такой концепции была обретена в рамках марксистской линейности — теорий формаций.

Последовательность развития концепции государственности с длинной родословной является зеркальное её преломление, обобщающее противоположенные исследовательские модели, — это государственность с краткой историей (родословной).

Суть таких представлений сводится к следующим позициям:

1. разделять политогенез на эволюционные развилки, предполагающие институциональные аналоги государственности, отсутствие предзаданности «государства» как феномена социальной эволюции [17];

2. сводит возникновение государственности как социального феномена к появлению нововременного (VII–VIII вв.) политогенеза, характеризующегося оформлением нового типа коллективных отношений — публичной власти (В терминологии Бурдые — в данный период происходит «рождение публичной политики», «публичного поля» [3, с. 628]. Тогда же происходит «генезис понятия гражданина как противоположности понятия подданного» [3, с. 629]);

3. рассматривать аналоги государственности не в функциональном измерении (что свойственно, например, для представителей австрийской экономической школы), а полиморфном качестве [13, с. 8–9 и др.], не сводимым к выполнению государственностью определённых функций. Это признак не является определяю-

щим для концепции государства с краткой историей: он обобщает методологические установки лишь некоторых исследователей, которые прямо заявляют о неисчерпаемости или вовсе «побочном» эффекте функций государственности. Ряд исследователей, описывая функциональное измерение государственности, не обобщают их до субстанционального качества.

Применяя в действии второй подход (концепцию государственности с краткой родословной), корректным названием для ранних политических образований будет домодерновые формы политий, для современных — (после)модерновые. Таким образом, «модерн» выступает тем таксоном (критерием), который разделяет не только мир идей на эпохи «до» и «после», но изменяет видовые конфигурации политических общностей, порождая новые формы организации властных отношений. В связи с этим возникает потребность изучить феномен «модерна» в политико-правовой теоретической интерпретации.

Самый примитивный, но при этом самый распространённый способ интерпретации «модерна» сводится к приравнению (тождеству) с понятием «современность» [14, с. 11]. При этом сам термин «современность» остаётся таким же смысловым неопределённым, как и сам термин «модерн». Интуитивно-понятный механизм освоения понятия происходит при уподоблении концепта «современности» тому социальному пространству, в котором проживает человек «сейчас». Очевидным следствием этого становится наращивание «современностей», что сказывается и на терминологии «постмодерн», «пост-постмодерн» и т.д. (В связи с этим модель «маятника Чижевского» приобретает новое эвристическое значение в качестве прогноза появления новой терминологии [6, с. 10].)

Однако специальная литература, посвящённая анализу этого феномена, опровергает подход, создающий эквивалентность между пребыванием в настоящем («современностью») и концепцией «модерн». Такая позиция обусловлена тем, что эпоха модерна создаёт особое социально-культурно пространство, которое изменяет, том числе политико-правовую действительность.

Именно в этот период рождается теория естественных прав, которая успеет реинкарнироваться в XX в, после её забвения в XIX [25, с. 86]. Однако каким образом идеи естественных прав,

так и концепция «общественного договора» смогла институционализироваться? Ведь появление идеи, ещё не означает изменение социальной реальности под её влиянием. Можно фокус исследовательского внимания скорректировать в такую плоскость: каким образом происходил процесс нормативизации правовых ценностей в социально-политической культуре Нового времени?

Объяснение этого феномена возможно, если выйти из дисциплинарных коридоров теории права, обратившись к обобщениям, сформулированных в других описательных науках.

Наиболее убедительная теория, которая раскрывается феномен нововременного политогенеза — это концепция «развития индивидуальности», «пробуждения личности» [4, с. 88–91, 586]. Такая постановка проблематики имеет важное следствия для теоретизации о политических общностях: государственность — это продукт культуры (производное политико-правовой культуры). Иначе говоря, «...государство, определяемое культурой» [Гусейнов, 8, с. 11]. Это подтверждает подход, выбранный ещё Муромцевым, о стремлении познания правовых явлений через правовые культуры, а не национальные порядки, которые в свою очередь могут быть лишь частным проявлением, действующих в данной системе принципов [15, с. 18, 41 и др.]. Такой подход методологически схож с мир-системным анализом, которых оформился значительно позже (известный представитель мир-системного анализа Валлерстайн [5]).

Характерно, что Новое время изменило правовой «космос». В этот период происходит становление прав человека не только как социального феномена (так называемые «права первого поколения»), но, что не менее важно, появляется их терминологическое отображение. Это способствует экспансии «прав» в другие социальные порядки, по крайней мере, освоения другими культурами на уровне смыслов (язык (нео) римской юриспруденции был выбран в качестве такого универсального кода), а не действительного изменения правовых порядков (отказ от механических представлений о возможности правовых рецепций происходит позднее [28]).

«Человекоцентричность» этого периода проявлялась в опредмечивании социального порядка человеческим измерением [16, с. 40]. Эта мысль хорошо иллюстрируется на изучении феномена «естественного права»: как эта концепция в

этом период перестала обосновываться теорией божественного естества, уступив место естеству человеческому [25, с. 87]. Отрицанием можно считать и формирование противоположных мироощущению Модерна исследовательских традиций. Примером такого подхода, который в том числе и сказался на последующих правовых исследованиях, является теория циклов культурного развития Вико [2, с. 205]. С определёнными трансформациями, но аналогичный подход отразился в работах последующих правоведов. Так, идея права каждой нации на своё «государство» стало идейным фундаментом принципов, которые применялись представителями «исторической правовой школы» [7, с. 19–20 и др.]. Культурное и правовое разнообразие было положено в основу социологически-правовых исследований Сорокина [21, 571–614]. В текущей современности окончательное оформление идеи множественности нормативных порядков была обретена в рамках теории правового плюрализма [23, с. 153–155]. Таким образом, можно отметить, сразу, что Постмодерн вышел из Модерна, как только появился запрос на контрмодерные идеи, которые имманентно присутствовали в нём всегда (причины такого «социального запроса» не входят в предмет теоретико-правового исследования).

Примечательно, но анатомия процессов, происходящих в Новое время, представляет из себя отдельный сложный вопрос. Осознание конституирующего значения происходящих в нём изменений — их «авангардная» революционность по отношению к прежним — была осознана не сразу. Даже понятийный язык отставал от скорости изменений. Например, понятие «Возрождение» (этот символ и элемент Модерна) появилось в социальной обиходе с запозданием. Как указывает Февр в статье, вышедшей в 1950 году [24, р. 177], столетие назад термина «Ренессанс» ещё не было [24, с. 377]. При этом отмечает случаи спорадического употребления [24, с. 378].

Для европейского сознания стало необходимым создать новое фундаментальное обоснование строения социального универсума, в том числе большей её части — мира политических и правовых концепций. Переоформление действительности проходит под идей «контрактной» государственности. Левиафан как символ «государственности» (в греческой традиции — Минотавр [9, с. 25–40] оказывается в границах, очерченных не его природой, а человеческой. А последняя предполагает выполнение

функций, ради которых она и учреждалась. Ожидание выполнения определённых «задач» зависело от идейного компаса того автора, который тереотезировал на этот счёт: от приверженцев «ночного сторожа» до эгалитаристских концепций [10, с. 63].

Таким образом, Модерн как культурно-социальное, и прежде всего как политико-правовое явление, началось на излёте позднего Средневековья. Это определение не хронологическое, а содержательное. Если для высоких Средних веков, действительно, применимо определение, которое дал Канторович («власть, тяготеющая к праву» [12, 163–255]), то право это всё ещё иномирное, не обретаемое и не исчерпаемое рамками позднейшей юридической техники (в широком смысле — прежде всего интерпретаций) явление. Но Новое время, особенно в одном из магистральных для себя направлений — гуманистики, преодолевается

в себе, точнее, через себя: посредством нового языка и человекоцентричного мироощущения — пиететом по отношению к римскому наследию. Цивилистическая культура («карикатурное» изображение итога этого же действия — шествие гражданских кодексов по Европе) — это не последствия рецепции римского частного права, а последствия его рождения в этот период. [19, с. 347]. Немецкоязычные специалисты по истории понятий, также подтверждают мысль о преодолении «Античности», её пересборки, а не о реконструкции (если этот термин вовсе применим к глобальным социальным проектам [20, с. 249]). Таким образом, можно говорить о том, что Модерн — это преодоление наследия «старого» Рима, создание новых правовых идеалов, пусть и символике древних феноменов — манифестирующей или подразумеваемой преемственности по отношению к наследию Античности.

Библиографический список

1. *Андерсон П.* Родословная абсолютистского государства / пер. с англ. Ивана Куриллы. — М.: Территория будущего, 2010. — 510, [1] с. — (Университетская библиотека Александра Погорельского).
2. *Берлин И.* Философия свободы. Европа / Предисловие А. Эткинды. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 448 с.
3. *Бурдые П.* О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / пер. с фр. Д. Кралечкина и И. Кушнарёвой. — М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. — 720 с.
4. *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. — М.: Юрист, 1996. — 592 с. — (Лики культуры).
5. *Валлерстайн И.* Мир-система Модерна. Том II. Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750 гг. [2-е издание] / Пер. с англ., литер. редак., комм. Н. Проценко. — М.: Ун-т Дмитрия Пожарского: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016. — 493 с.
6. *Власов В. Г.* Маятник Чижевского, или как история убивает гениев. Добавления к теории прогрессивного циклического развития Ф. И. Шмита // Архитектон: известия вузов. 2015. № 49. С. 10
7. *Гирке О. ф.* Естественное право и немецкое право // Савиньи Ф. К. фон. Система современного римского права. Т. I / Пер. с нем. Г. Жигулина; Под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. — М.: Статут, 2011. 510 с.
8. Государство как произведение искусства: 150-летие концепции / Отв. ред. А. А. Гусейнов. — М.: Летний сад, 2011. — 288 с.
9. *Жувенель Б. де.* Власть. Естественная история ее возрастания / пер. с фр. [А. В. Матешук, В. П. Гайдамака]. — Москва: ИРИСЭН: Мысль, 2010. — 544 — (Серия: «Политическая наука»).
10. *Завадский С.* «Государство благоденствия». Доктрина и практика. / пер. с польского Б. Т. Челяпова, А. А. Якушев под ред. Г. Х. Шахназарова. — М.: Прогресс, 1966. — 376 с.
11. История человечества: В 8 т. Т. 1: Доисторические времена и начала цивилизации / Под ред. З. Я. Де Лаата [и др.]; [Отв. ред. Э. А. Манушин]. — М.: ЮНЕСКО: Издат. Дом Магистр-Пресс, 2003. — 681 с.
12. *Канторович Э. Х.* Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд. второе, исправленное / Пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серегинной. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 752 с.
13. *Манн М.* Автономная власть государства: истоки, механизмы и результаты // Неприкосновенный запас. 2018. № 2 (118). С. 3–33.
14. *Мартьянов В. С.* Политический проект Модерна: от мирозкономики к мирополитике: стратегия России в глобализирующемся мире / В. С. Мартьянов. — М.: РОССПЭН, 2010. — 357 [1] с.
15. *Муромцев С.* Определение и основное разделение права. — М.: *Типография А. И. Мамонтова и Ко*, 1879. — 240 с.
16. *Пелипенко А. А.* Контрэволюция. — М.: Издательство «Знание», 2016. — 240 с.

17. Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Под ред. Л. Е. Гринина, Д. М. Бондаренко, Н. Н. Крадина, А. В. Коротаева. — Волгоград: Учитель, 2006. — 558 с.
18. *Репин Е. Н.* Межевая теория права. Начала терминологии. [2020]. С. 17, 19, 37–40 и др.
19. *Скиннер К.* Истоки современной политической мысли. В 2-х т. Т. 1: Эпоха Ренессанса / перевод с английского Андрея Олейникова. — М.: Дело, 2018. — 461 с.
20. Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1 / Пер. с немецкого К. Левинсон; сост. Ю. Зарецкий, К. Левинсон, И. Ширле; научн. ред. перевода Ю. Арнаутова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 736 с.
21. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика / Пер. с англ., вступ. ст. и коммент. В. В. Сапова. — М.: Академический проект, 2017. — 964 с. — (Теории общества).
22. Теория и методы в современной политической науке: первая попытка теоретического синтеза: [сборник статей норвежских политологов] / под ред. Стейна Угельвика Ларсена; [пер. с англ. Е. А. Жуковой]. — М.: РОССПЭН, 2009 (Ульяновск: Ульяновский Дом печати). — 750, [1] с.
23. *Уакс Р.* Философия права. Краткое введение / пер. с англ. С. Моисеева. — М., 2020. — 176 с.
24. *Февр Л.* Бои за историю. — М.: Наука, 1991. — 630 с. — (Памятники исторической мысли)
25. *Шацкий Е.* История социологической мысли. Том 1 / Пер. с польск. Барзова Е., Васильев А., Вертячих Н., Мурадян Г., Уразбекова А., Федорова В., Чехова О. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 720 с. — (Серия: Интеллектуальная история).
26. *Perini L.* Lucien febvre et la renaissance de jules Michelet // *Revue européenne des sciences sociales.* 1994. Т. 32. № 98. La rationalité reconstruite et les sciences du salmigondis historique. 177 p.
27. *Skinner Q.* A genealogy of the modern state // *Proceedings of the British Academy.* 2009. P. 325–370.
28. *Watson A.* Legal Transplants: An Approach to Comparative Law. Front Cover. University Press of Virginia, 1974. 106 p.